

АНГЛИЙСКИЙ ПО КЛАССИКЕ
Оскар Уайльд
Портрет Дориана Грея

Читай и понимай без словаря

Оскар Уайлд

Портрет Дориана Грея.

Англо-русская билингва

<https://litres.ru/74524042>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хотите читать классику на английском с переводом?

Эта книга устроена так: каждое английское предложение сразу сопровождается русским текстом. Вы не лезете в словарь и не теряете нить. Просто читаете — и понимаете всё с первой страницы.

«Портрет Дориана Грея» — единственный роман Оскара Уайльда. История о красоте, молодости и цене, которую за них платят. Дориан остаётся юным, а на его портрете отражаются все грехи и годы. Уайльд написал книгу, которая читается как притча и как триллер одновременно. Сюжет держит в напряжении, и вы не замечаете, как английский становится понятнее с каждой страницей.

Читайте про себя, чтобы привыкнуть к языку. Читайте вслух, чтобы слышать речь и снимать языковой барьер.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Оскар Уайлд
Портрет Дориана Грея.
Англо-русская билингва

Глава

АНГЛИЙСКИЙ ПО КЛАССИКЕ
Оскар Уайльд
Портрет Дориана Грея

Хотите читать классику на английском с переводом?

Эта книга устроена так: каждое английское предложение сразу сопровождается русским текстом. Вы не лезете в словарь и не теряете нить. Просто читаете — и понимаете всё с первой страницы.

«Портрет Дориана Грея» — единственный роман Оскара Уайльда. История о красоте, молодости и цене, которую за них платят. Дориан остаётся юным, а на его портрете отражаются все грехи и годы. Уайльд написал книгу, которая читается как притча и как триллер одновременно. Сюжет держит в напряжении, и вы не замечаете, как английский становится понятнее с каждой страницей.

Читайте про себя, чтобы привыкнуть к языку. Читайте вслух, чтобы слышать речь и снимать языковой барьер.

© Самойлов А.Г., 2026г.

Oscar Wilde Оскар Уайльд

The Picture of Dorian Gray Портрет Дориана Грея

Preface Предисловие

An artist is one who creates beauty. Художник — тот, кто создает прекрасное.

To reveal oneself to people and to hide the artist—that is what art strives for. Раскрыть людям себя и скрыть художника —

Вот к чему стремится искусство.

A critic is someone who is able to convey his impression of the beautiful in a new form or by new means. Критик — это тот, кто способен в новой форме или новыми средствами передать свое впечатление от прекрасного.

The highest, as well as the lowest, form of criticism is one of the types of autobiography. Высшая, как и низшая, форма критики — один из видов автобиографии.

Those who find evil in the beautiful are corrupted people, and their corruption does not make them attractive. Те, кто в прекрасном находят дурное, — люди испорченные, и притом испорченность не делает их привлекательными. This is a great sin. Это большой грех.

Those who are able to see the high meaning in beauty are cultured people. Те, кто способны узреть в прекрасном его высокий смысл, — люди культурные. They are not hopeless. Они не безнадешны.

But the chosen one is the one who sees only one thing in the beautiful: Но избраннык — тот, кто в прекрасном видит лишь одно: Beauty. Красоту.

There are no moral or immoral books. Нет книг нравственных или безнравственных. There are books that are well written or poorly written. Есть книги хорошо написанные или написанные плохо. That's all. Вот и все.

The nineteenth century's hatred of Realism is the rage of Caliban seeing himself in the mirror. Ненависть девятнадцато-

го века к Реализму — это ярость Калибана, увидевшего себя в зеркале.

The nineteenth century's hatred of Romanticism is the rage of Caliban, who does not find his reflection in the mirror. Ненависть девятнадцатого века к Романтизму — это ярость Калибана, не находящего в зеркале своего отражения.

For an artist, the moral life of man is only one of the themes of his work. Для художника нравственная жизнь человека — лишь одна из тем его творчества. The ethics of art lies in the perfect use of imperfect means. Этика же искусства в совершенном применении несовершенных средств.

The artist does not seek to prove anything. Художник не стремится что-то доказывать. Even indisputable truths can be proven. Доказать можно даже неоспоримые истины.

The artist is not a moralist. Художник не моралист. This inclination of the artist gives rise to an unforgivable mannerism of style. Подобная склонность художника рождает непростительную манерность стиля.

Do not attribute unhealthy tendencies to the artist: Не приписывайте художнику нездоровых тенденций: he is allowed to depict everything. ему дозволено изображать все.

Thought and Word for the artist are the means of Art. Мысль и Слово для художника — средства Искусства.

Vice and Virtue are the material for his creativity. Порок и Добродетель — материал для его творчества.

If we speak about form, the prototype of all arts is the art

of the musician. Если говорить о форме, — прообразом всех искусств является искусство музыканта. If we speak about feeling, the art of the actor. Если говорить о чувстве — искусство актера.

In every art there is something that lies on the surface and a symbol. Во всяком искусстве есть то, что лежит на поверхности, и символ.

Anyone who tries to penetrate deeper than the surface takes a risk. Кто пытается проникнуть глубже поверхности, тот идет на риск.

And whoever reveals the symbol takes a risk. И кто раскрывает символ, идет на риск.

In essence, Art is a mirror that reflects the one who looks into it, and not life at all. В сущности, Искусство — зеркало, отражающее того, кто в него смотрится, а вовсе не жизнь.

If a work of art is controversial, it means that it contains something new, complex and significant. Если произведение искусства вызывает споры — значит, в нем есть нечто новое, сложное и значительное.

Let the critics differ in their opinions - the artist remains true to himself. Пусть критики расходятся во мнениях — художник остается верен себе.

One can forgive a person who does something useful, as long as he does not admire it. Можно простить человеку, который делает нечто полезное, если только он этим не восторгается. But for someone who creates something useless, the only

justification is passionate love for his creation. Тому же, кто создает бесполезное, единственным оправданием служит лишь страстная любовь к своему творению.

All art is completely useless. Всякое искусство совершенно бесполезно.

Oscar Wilde Оскар Уайльд

Chapter I Глава I

The rich scent of roses filled the artist's studio, and when a summer breeze rose in the garden, it flew in through the open door, bringing with it either the intoxicating scent of lilac or the delicate fragrance of scarlet hawthorn flowers. Густой аромат роз наполнял мастерскую художника, а когда в саду поднимался летний ветерок, он, влетая в открытую дверь, приносил с собой то пьянящий запах сирени, то нежное благоухание алых цветов боярышника.

From the Persian-covered sofa on which Lord Henry Wotton lay, smoking, as usual, one after another countless cigarettes, only a broom bush was visible - its golden and fragrant, like honey, flowers glowed hotly in the sun, and its trembling branches seemed barely able to bear the weight of this sparkling magnificence; С покрытого персидскими чепраками дивана, на котором лежал лорд Генри Уоттон, куря, как всегда, одну за другой бесчисленные папиросы, был виден только куст ракитника — его золотые и душистые, как мед, цветы жарко пылали на солнце, а трепещущие ветви, казалось, едва

выдерживали тяжесть этого сверкающего великолепия; from time to time, on the long silk curtains of the huge window, whimsical shadows of birds flying past flickered, creating for a moment a semblance of Japanese drawings - and then Lord Henry thought of the yellow-faced artists of distant Tokyo, who strove to convey movement and impulse by means of an art that is by nature static. по временам на длинных шелковых занавесах громадного окна мелькали причудливые тени пролетающих мимо птиц, создавая на миг подобие японских рисунков, — и тогда лорд Генри думал о желтолицых художниках далекого Токио, стремившихся передать движение и порыв средствами искусства, по природе своей статичного. The angry buzzing of bees, making their way through the unmown tall grass or monotonously and persistently circling above the curly honeysuckle sprinkled with golden dust, seemed to make the silence even more oppressive. Сердитое жужжание пчел, пробиравшихся в нескошенной высокой траве или однообразно и настойчиво круживших над осыпанной золотой пылью кудрявой жимолостью, казалось, делало тишину еще более гнетущей. The dull noise of London came here like the hum of a distant organ. Глухой шум Лондона доносился сюда, как гудение далекого органа.

In the middle of the room, on an easel, stood a portrait of a young man of extraordinary beauty, and in front of the easel, a little further away, sat the artist, the same Basil Hallward, whose sudden disappearance several years ago had so excited

London society and given rise to so many of the most fantastic assumptions. Посреди комнаты стоял на мольберте портрет молодого человека необыкновенной красоты, а перед мольбертом, немного поодаль, сидел и художник, тот самый Бэзил Холлуорд, чье внезапное исчезновение несколько лет назад так взволновало лондонское общество и вызвало столько самых фантастических предположений.

The artist looked at the handsome young man, depicted with such skill in his portrait, and a satisfied smile did not leave his face. Художник смотрел на прекрасного юношу, с таким искусством изображенного им на портрете, и довольная улыбка не сходила с его лица. But suddenly he jumped up and, closing his eyes, pressed his fingers to his eyelids, as if wanting to retain some amazing dream in his memory and afraid to wake up. Но вдруг он вскочил и, закрыв глаза, прижал пальцы к векам, словно желая удержать в памяти какой-то удивительный сон и боясь проснуться.

“This is your best work, Basil, the best of all that you have written,” said Lord Henry lazily. — Это лучшая твоя работа, Бэзил, лучшее из всего того, что тобой написано, — лениво промолвил лорд Генри. We must certainly send it to the exhibition at Grosvenor next year. Непременно надо в будущем году послать ее на выставку в Гровенор. It is not worth going to the Academy: В Академию не стоит: The Academy is too large and too accessible to everyone. Академия слишком обширна и общедоступна. Whenever you go, you meet so many people

there that you do not see the paintings, or so many paintings that you do not get a chance to see the people. Когда ни придешь, встречаешь там столько людей, что не видишь картин, или столько картин, что не удастся людей посмотреть. The first is very unpleasant, the second is even worse. Первое очень неприятно, второе еще хуже. No, the only suitable place is Grosvenor. Нет, единственное подходящее место — это Гровенор.

“I don’t intend to exhibit this portrait at all,” the artist responded, throwing back his head, as was his characteristic habit, which his comrades at Oxford University used to make fun of. — А я вообще не собираюсь выставлять этот портрет, — отозвался художник, откинув голову, по своей характерной привычке, над которой, бывало, трунили его товарищи в Оксфордском университете. “No, I won’t send it anywhere.” — Нет, куда я его не пошлю.

Lord Henry raised his eyebrows in surprise and looked at Basil through the blue smoke that rose in strange rings from his opium-soaked cigarette. Удивленно подняв брови, лорд Генри посмотрел на Бэзила сквозь голубой дым, причудливыми кольцами поднимавшийся от его пропитанной опиумом папиросы.

— You won’t send it anywhere? — Никуда не пошлешь? And why is that? Это почему же? For what reason, my dear? По какой такой причине, мой милый? These artists are really eccentrics! Чудаки, право, эти художники! They go out of their way to achieve fame, and when fame comes, they seem to be

burdened by it. Из кожи лезут, чтобы добиться известности, а когда слава приходит, они как будто тяготятся ею. How stupid it is! Как это глупо! If it is unpleasant when they talk a lot about you, then it is even worse when they don't talk about you at all. Если неприятно, когда о тебе много говорят, то еще хуже, когда о тебе совсем не говорят. This portrait would have elevated you, Basil, far above all the young artists in England, and would have inspired strong envy in the old ones, if old people are still capable of experiencing any feelings at all. Этот портрет вознес бы тебя, Бэзил, много выше всех молодых художников Англии, а старым внушил бы сильную зависть, если старики вообще еще способны испытывать какие-либо чувства.

"I know you'll laugh at me," the artist objected, "but I really can't put this portrait on display... I've put too much of myself into it." — Знаю, ты будешь надо мною смеяться, — возразил художник, — но я, право, не могу выставить напоказ этот портрет... Я вложил в него слишком много самого себя.

Lord Henry laughed, settling himself more comfortably on the sofa. Лорд Генри расхохотался, поудобнее устраиваясь на диване.

- Well, I knew you would find it funny. — Ну вот, я так и знал, что тебе это покажется смешным. However, it is the absolute truth. Тем не менее это истинная правда.

— Too much of yourself? — Слишком много самого себя? By God, Basil, I didn't suspect you of such conceit. Ей-богу, Бэзил, я не подозревал в тебе такого самомнения. I don't see the

slightest resemblance between you, my black-haired, stern-faced friend, and this young Adonis, as if created from ivory and rose petals. Не вижу ни малейшего сходства между тобой, мой черноволосый, суроволицый друг, и этим юным Адонисом, словно созданным из слоновой кости и розовых лепестков. Understand, Basil, he is Narcissus, and you... Well, of course, your face is spiritual and all that. Пойми, Бэзил, он — Нарцисс, а ты... Ну конечно, лицо у тебя одухотворенное и все такое. But beauty, true beauty, disappears where spirituality appears. Но красота, подлинная красота, исчезает там, где появляется одухотворенность. A highly developed intellect is in itself a certain anomaly; it disrupts the harmony of the face. Высоко развитый интеллект уже сам по себе некоторая аномалия, он нарушает гармонию лица. As soon as a person begins to think, his nose becomes disproportionately elongated, or his forehead enlarges, or something else spoils his face. Как только человек начнет мыслить, у него непропорционально вытягивается нос, или увеличивается лоб, или что-нибудь другое портит его лицо. Look at the outstanding figures of any learned profession—how ugly they are! Посмотри на выдающихся деятелей любой ученой профессии — как они уродливы! The exception is, of course, our spiritual shepherds, - but these do not bother their brains. Исключение составляют, конечно, наши духовные пастыри, — но эти ведь не утруждают своих мозгов. A bishop at eighty continues to repeat what he was told when he was an eighteen-year-old youth - it is natural that his

face retains its beauty and good looks. Епископ в восемьдесят лет продолжает твердить то, что ему внушали, когда он был восемнадцатилетним юнцом, — естественно, что лицо его сохраняет красоту и благообразие. Judging by the portrait, your mysterious young friend, whose name you stubbornly refuse to mention, is charming - which means he never thinks about anything. Судя по портрету, твой таинственный молодой приятель, чье имя ты упорно не хочешь назвать, очарователен, — значит, он никогда ни о чем не думает. I am absolutely convinced of this. Я в этом совершенно убежден. Probably he is a brainless and charming creature of God, whom we should always have before us: Наверное, он — безмозглое и прелестное божье создание, которое нам следовало бы всегда иметь перед собой: in winter, when there are no flowers - to please the eyes, and in summer - to refresh the overheated brain. зимой, когда нет цветов, — чтобы радовать глаза, а летом — чтобы освежать разгоряченный мозг. No, Basil, do not flatter yourself: Нет, Бэзил, не льсти себе: you are not at all like him. ты ничуть на него не похож.

“You misunderstood me, Harry,” said the artist. — Ты меня не понял, Гарри, — сказал художник. “Of course, there is no resemblance between me and that boy.” — Разумеется, между мною и этим мальчиком нет никакого сходства. I know that very well. Я это отлично знаю. And I wouldn’t want to be like him. Да я бы и не хотел быть таким, как он. You shrug your shoulders, don’t believe me? Ты пожимаешь плечами, не ве-

ришь? And yet I speak quite sincerely. А между тем я говорю вполне искренне. There is something fatal in the fate of people who are physically or spiritually perfect - exactly the same fate throughout history seemed to guide the uncertain steps of kings. В судьбе людей, физически или духовно совершенных, есть что-то роковое — точно такой же рок на протяжении всей истории как будто направлял неверные шаги королей. It is much safer to be no different from others. Гораздо безопаснее ничем не отличаться от других. In this world, fools and freaks always come out on top. В этом мире всегда остаются в барыше глупцы и уроды. They can sit quietly and watch others struggle. Они могут сидеть спокойно и смотреть на борьбу других. They are not given to know the triumph of victory, but they are spared the bitterness of defeat. Им не дано узнать торжество побед, но зато они избавлены от горечи поражений. They live as we all should live - without any worries, serenely, in addition to everything indifferent. Они живут так, как следовало бы жить всем нам, — без всяких треволнений, безмятежно, ко всему равнодушные. They do not destroy anyone and do not perish themselves at the hands of the enemy... You are noble and rich, Harry, I have intellect and talent, no matter how small it may be, Dorian Gray has his beauty. Они никого не губят и сами не гибнут от вражеской руки... Ты знатен и богат, Гарри, у меня есть интеллект и талант, как бы он ни был мал, у Дориана Грея — его красота. And for all these gifts of the gods we will pay someday, we will pay with great suffering. И за

все эти дары богов мы расплатимся когда-нибудь, заплатим тяжкими страданиями.

“Dorian Gray?” — Дориана Грея? “Aha, so that’s his name?” Ага, значит, вот как его зовут? asked Lord Henry, approaching Hallward. — спросил лорд Генри, подходя к Холлуорду.

- Yes. — Да. I didn’t want to name his name... Я не хотел называть его имя...

- But why? — Но почему же?

— How can I explain it to you... When I love someone very much, I never tell anyone their name. — Как тебе объяснить... Когда я очень люблю кого-нибудь, я никогда никому не называю его имени. It's like giving away a piece of someone dear to you. Это все равно что отдать другим какую-то частицу дорогого тебе человека. And you know, I've become secretive; I like having secrets from people. И знаешь — я стал скрытен, мне нравится иметь от людей тайны. This is perhaps the only thing that can make modern life exciting and mysterious for us. Это, пожалуй, единственное, что может сделать для нас современную жизнь увлекательной и загадочной. The most ordinary trifle acquires amazing interest as soon as you start hiding it from people. Самая обыкновенная безделица приобретает удивительный интерес, как только начинаешь скрывать ее от людей. When I leave London, I now never tell my relatives where I'm going. Уезжая из Лондона, я теперь никогда не говорю своим родственникам, куда еду. If I told them, all the fun would be gone. Скажи я им — и все удовольствие

пропадет. It's a funny whim, I agree, but it somehow brings a fair amount of romance into my life. Это смешная прихоть, согласен, но она каким-то образом вносит в мою жизнь изрядную долю романтики. You'll say, of course, that this is terribly stupid? Ты, конечно, скажешь, что это ужасно глупо?

“Not at all,” replied Lord Henry, “not at all, my dear Basil!” — Нисколько, — возразил лорд Генри, — Нисколько, дорогой Бэзил! You forget that I am a married man, and that is the only joy of marriage, that both parties are inevitably forced to invent lies. Ты забываешь, что я человек женатый, а в том и состоит единственная прелесть брака, что обеим сторонам неизбежно приходится изощряться во лжи. I never know where my wife is, and my wife does not know what I am doing. Я никогда не знаю, где моя жена, и моя жена не знает, чем занят я. When we meet—and we sometimes meet when we dine together at a party or pay a call on the Duke—we tell each other all sorts of tall tales with the most serious air. При встречах, — а мы с ней иногда встречаемся, когда вместе обедаем в гостях или бываем с визитом у герцога, — мы с самым серьезным видом рассказываем друг другу всякие небылицы. My wife does this much better than I do. Жена делает это гораздо лучше, чем я. She never gets confused, whereas with me it always happens. Она никогда не запутается, а со мной это бывает постоянно. However, if she happens to catch me out, she does not get angry and does not make a scene. Впрочем, если ей случается меня уличить, она не сердится и не устраивает сцен. Sometimes it

even annoys me. Иной раз мне это даже досадно. But she only makes fun of me. Но она только подшучивает надо мной.

"I hate the way you talk about your family life, Harry," said Basil Hallward, coming to the garden door. — Терпеть не могу, когда ты в таком тоне говоришь о своей семейной жизни, Гарри, — сказал Бэзил Холлуорд, подходя к двери в сад. "I'm sure you're a really good husband, but you're ashamed of your virtue. — Я уверен, что на самом деле ты прекрасный муж, но стыдишься своей добродетели. You're a wonderful man! Удивительный ты человек! You never say anything moral - and you never do anything immoral. Никогда не говоришь ничего нравственного — и никогда не делаешь ничего безнравственного. Your cynicism is just a pose. Твой цинизм — только поза.

"I know that being natural is a pose, and the most hated pose by people!" — Знаю, что быть естественным — это поза, и самая ненавистная людям поза! exclaimed Lord Henry with a laugh. — воскликнул лорд Генри со смехом.

The young people went out into the garden and sat down on a bamboo bench in the shade of a tall laurel bush. Молодые люди вышли в сад и уселись на бамбуковой скамье в тени высокого лаврового куста. Sunbeams glided across its shiny, varnished leaves. Солнечные зайчики скользили по его блестящим, словно лакированным листьям. White daisies swayed gently in the grass. В траве тихонько покачивались белые маргаритки.

For some time the host and guest sat in silence. Некоторое время хозяин и гость сидели молча. Then Lord Henry looked at his watch. Потом лорд Генри посмотрел на часы.

“Well, unfortunately, I must go, Basil,” he said. — Ну, к сожалению, мне пора, Бэзил, — сказал он. “But before I go, you must answer the question I asked you.” — Но раньше, чем я уйду, ты должен ответить мне на вопрос, который я задал тебе.

“What question?” — Какой вопрос? asked the artist without looking up. — спросил художник, не поднимая глаз.

- You know very well which one. — Ты отлично знаешь какой.

- No, Harry, I don't know. — Нет, Гарри, не знаю.

- Okay, I'll remind you. — Хорошо, я тебе напомню. Please explain why you decided not to send the portrait of Dorian Gray to the exhibition. Объясни, пожалуйста, почему ты решил не посылать на выставку портрет Дориана Грея. I want to know the truth. Я хочу знать правду.

- I told you the truth. — Я и сказал тебе правду.

- No. — Нет. You said that there is too much of you in this portrait. Ты сказал, что в этом портрете слишком много тебя самого. But that is childish! Но ведь это же ребячество!

“Understand, Harry.” — Пойми, Гарри. Hallward looked into Lord Henry's eyes. — Холлуорд посмотрел в глаза лорду Генри. “Every portrait painted with love is, in essence, a portrait of the artist himself, and not of the one who posed for him. — Всякий портрет, написанный с любовью, — это, в сущности,

портрет самого художника, а не того, кто ему позировал. It is not him, but himself, that the artist reveals on canvas. Не его, а самого себя раскрывает на полотне художник. And I am afraid that the portrait will reveal the secret of my soul. И я боюсь, что портрет выдаст тайну моей души. That is why I do not want to exhibit it. Потому и не хочу его выставлять.

Lord Henry burst out laughing. Лорд Генри расхохотался.

“And what is this secret?” — И что же это за тайна? he asked.
— спросил он.

“Okay, I’ll tell you,” Hallward began, somewhat embarrassed.
— Так и быть, расскажу тебе, — начал Холлуорд как-то смущенно.

“Well?” — Ну-с? “I’m dying of impatience, Basil,” Lord Henry insisted, looking at him. Я сгораю от нетерпения, Бэзил, — настаивал лорд Генри, поглядывая на него.

- There’s almost nothing to say here, Harry... And I doubt you’ll understand me. — Да говорить-то тут почти нечего, Гарри... И вряд ли ты меня поймешь. You probably won’t even believe it. Пожалуй, даже не поверишь.

Lord Henry only grinned in response and, bending down, plucked a pink daisy from the grass. Лорд Генри только усмехнулся в ответ и, наклонясь, сорвал в траве розовую маргаритку.

“I am absolutely sure that I will understand,” he responded, carefully examining the golden pistil of the flower with a white edge. — Я совершенно уверен, что пойму, — отозвался он,

внимательно разглядывая золотистый с белой опушкой пестик цветка. “And I am capable of believing in anything, and the more likely it is, the more readily it will be.” — А поверить я способен во что угодно, и тем охотнее, чем оно невероятнее.

A slight breeze shook a few flowers from the trees; Налетевший ветерок стряхнул несколько цветков с деревьев; the heavy lilac brushes, as if woven from stars, slowly swayed in the sleepy silence softened by the heat. тяжелые кисти сирени, словно сотканные из звездочек, медленно закачались в разнеженной зноем сонной тишине. A grasshopper chirped near the wall. У стены трещал кузнечик. A dragonfly flashed through the air like a long blue thread on transparent brown wings... Lord Henry seemed to hear Basil's heart beating in his chest, and he tried to guess what would happen next. Длинной голубой нитью на прозрачных коричневых крылышках промелькнула в воздухе стрекоза... Лорду Генри казалось, что он слышит, как стучит сердце в груди Бэзила, и он пытался угадать, что будет дальше.

“Well, so...” the artist began after a short silence. — Ну, так вот... — заговорил художник, немного помолчав. “About two months ago I had to attend a reception at Lady Brandon’s. — Месяца два назад мне пришлось быть на рауте у леди Брэндон. After all, we, poor artists, should appear in society from time to time, if only to show people that we are not savages. Ведь нам, бедным художникам, следует время от времени появляться в обществе, хотя бы для того, чтобы показать людям, что мы

не дикари. I remember your words that in a tailcoat and white tie anyone, even a stockbroker, can pass for a civilized person. Помню твои слова, что во фраке и белом галстуке кто угодно, даже биржевой маклер, может сойти за цивилизованного человека.

In Lady Brandon's drawing room I had been chatting for about ten minutes with the elegant widows and the tedious academics when I suddenly felt someone's eyes on me. В гостиной леди Брэндон я минут десять беседовал с разряженными в пух и прах знатными вдовами и с нудными академиками, как вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. I looked around and it was then that I saw Dorian Gray for the first time. Я оглянулся и тут-то в первый раз увидел Дориана Грея. Our eyes met and I felt myself turning pale. Глаза наши встретились, и я почувствовал, что бледнею. I was overcome by some instinctive fear and I realized: Меня охватил какой-то инстинктивный страх, и я понял: before me was a man so charming that if I succumbed to his charm he would swallow me up entirely, my soul and even my art. передо мной человек настолько обаятельный, что, если я поддамся его обаянию, он поглотит меня всего, мою душу и даже мое искусство. And I didn't want any outside influences in my life. А я не хотел никаких посторонних влияний в моей жизни. You know, Henry, what an independent character I have. Ты знаешь, Генри, какой у меня независимый характер. I have always been my own master... at least until I met Dorian Gray. Я всегда был сам себе хозяин... во всяком случае, до

встречи с Дорианом Греем. Well, and now... I don't know how to explain it to you... An inner voice told me that on the eve of a terrible a turning point in my life. Ну а тут... не знаю, как и объяснить тебе... Внутренний голос говорил мне, что я накануне страшного перелома в жизни. I had a vague premonition that fate was preparing extraordinary joys and equally sophisticated torments for me. Я смутно предчувствовал, что судьба готовит мне необычайные радости и столь же изощренные мучения. I felt terrified, and I was already stepping towards the door, deciding to leave. Мне стало жутко, и я уже шагнул было к двери, решив уйти. I did it almost unconsciously, out of some kind of cowardice. Сделал я это почти бессознательно, из какой-то трусости. Of course, trying to escape does not do me honor. Конечно, попытка сбежать не делает мне чести. In all honesty... По совести говоря...

— Conscience and cowardice are essentially the same thing, Basil. — Совесть и трусость, в сущности, одно и то же, Бэзил. “Conscience” is the official name for cowardice, that’s all. «Совесть» — официальное название трусости, вот и все.

“I don’t believe it, Harry, and I don’t think you believe it either... In short, I don’t know for what reasons – perhaps out of pride, for I am very proud – I began to make my way to the exit. — Не верю я этому, Гарри, да и ты, мне думается, не веришь... Словом, не знаю, из каких побуждений, — быть может, из гордости, так как я очень горд, — я стал пробираться к выходу. However, at the door, of course, Lady Brandon

intercepted me. Однако у двери меня, конечно, перехватила леди Брэндон. "You don't intend to run away so early, Mr. Hallward?" «Уж не намерены ли вы сбежать так рано, мистер Холлуорд?» she cried. » — закричала она. Do you know what a shrill voice she has! Знаешь, какой у нее пронзительный голос!

"You bet!" — Еще бы! "She's a real peacock, only without his beauty," Lord Henry continued, tearing apart the daisy with his long, nervous fingers. Она — настоящий павлин, только без его красоты, — подхватил лорд Генри, разрывая маргаритку длинными нервными пальцами.

— I couldn't get rid of her. — Мне не удалось от нее отделаться. She introduced me to the highest persons, then to various dignitaries wearing stars and the Order of the Garter, and to some old ladies in huge tiaras and with hooked noses. Она представила меня высочайшим особам, потом разным сановникам в звездах и орденах Подвязки и каким-то старым дамам в огромных диадемах и с крючковатыми носами. She recommended me to everyone as her best friend, although she saw me only for the second time in her life. Всем она рекомендовала меня как своего лучшего друга, хотя видела меня второй раз в жизни. Apparently, she took it into her head to include me in her collection of celebrities. Видно, она забрала себе в голову включить меня в свою коллекцию знаменитостей. It seems that at that time one of my pictures had a great success - in any case, they chatted about it in the penny newspapers, and

in our time that is a patent for immortality. Кажется, в ту пору какая-то из моих картин имела большой успех, — во всяком случае, о ней болтали в грошовых газетах, а в наше время это патент на бессмертие.

And suddenly I found myself face to face with the very young man who, at first sight, had caused such a strange excitement in my soul. И вдруг я очутился лицом к лицу с тем самым юношей, который с первого взгляда вызвал в моей душе столь странное волнение. He stood so close that we almost collided. Он стоял так близко, что мы почти столкнулись. Our eyes met again. Глаза наши встретились снова. Then I recklessly asked Lady Brandon to introduce us. Тут я безрассудно попросил леди Брэндон познакомить нас. However, this, perhaps, was not such recklessness: Впрочем, это, пожалуй, было не такое уж безрассудство: all the same, even if we had not been introduced, we would inevitably have started talking to each other. все равно, если бы нас и не познакомили, мы неизбежно заговорили бы друг с другом. I am sure of it. Я в этом уверен. Dorian told me the same thing later. Это же самое сказал мне потом Дориан. And he, too, immediately felt that it was not chance that brought us together, but fate. И он тоже сразу почувствовал, что нас свел не случай, а судьба.

“And what did Lady Brandon tell you about this charming young man?” — А что же леди Брэндон сказала тебе об этом очаровательном юноше? asked Lord Henry. — спросил лорд Генри. I know her habit of giving a cursory description

of each guest. Я ведь знаю ее манеру давать беглую характеристику каждому гостю. I remember how she once led me to some formidable, red-faced old man, hung with orders and ribbons, and along the way, in a tragic whisper - probably heard by everyone in the drawing room - she told me in my ear the most stunning details of his biography. Помню, как она раз подвела меня к какому-то грозному краснолицему старцу, увешанному орденами и лентами, а по дороге трагическим шепотом — его, наверное, слышали все в гостиной — сообщала мне на ухо самые ошеломительные подробности его биографии. I simply ran away from her. Я просто-напросто сбежал от нее. I like to understand people myself, without anyone else's help. Я люблю сам, без чужой помощи, разбираться в людях. And Lady Brandon describes her guests exactly like an appraiser at an auction sells things under the hammer: А леди Брэндон описывает своих гостей точь-в-точь как оценщик на аукционе продающиеся с молотка вещи: she either tells you the most intimate things about them, or tells you everything except what you would like to know. она — либо рассказывает о них самое сокровенное, — либо сообщает вам все, кроме того, что вы хотели бы узнать.

“Poor Lady Brandon!” — Бедная леди Брэндон! “You are too hard on her, Harry,” Hallward remarked absently. Ты слишком уж строг к ней, Гарри, — рассеянно заметил Холлуорд.
- My dear, she tried to create a “salon” for herself, but it turned out to be simply a restaurant. — Дорогой мой, она стреми-

лась создать у себя «салон», но получился попросту ресторан. And you want me to admire her? А ты хочешь, чтобы я ею восхищался? Well, God be with her, tell me instead, what did she say about Dorian Gray? Ну, бог с ней, скажи-ка мне лучше, как она отзывалась о Дориане Грее?

— She muttered something like: — Пробормотала что-то такое вроде: “A lovely boy... his poor mother and I were inseparable... I’ve forgotten what he does... I’m afraid he doesn’t do anything... Oh yes, he plays the piano... Or the violin, dear Mr. Gray?” «Прелестный мальчик... мы с его бедной матерью были неразлучны... Забыла, чем он занимается... Боюсь, что ничем... Ах да, играет на рояле... Или на скрипке, дорогой мистер Грей? We both couldn’t help but laugh, and it somehow immediately brought us closer together. » Оба мы не могли удержаться от смеха, и это нас как-то сразу сблизило.

“It is a good thing for a friendship to begin with laughter, and best of all for it to end with it,” remarked Lord Henry, plucking another daisy. — Недурно, если дружба начинается смехом, и лучше всего, если она им же кончается, — заметил лорд Генри, срывая еще одну маргаритку.

Hallward shook his head. Холлуорд покачал головой.

“You don’t know what true friendship is, Harry,” he said quietly. — Ты не знаешь, что такое настоящая дружба, Гарри, — сказал он тихо. “And you don’t know true enmity either. — Да и вражда настоящая тебе тоже незнакома. You love everyone, and to love everyone means to love no one. Ты лю-

бишь всех, а любить всех — значит не любить никого. You are equally indifferent to everyone. Тебе все одинаково безразличны.

“How unfair you are to me!” — Как ты несправедлив ко мне! exclaimed Lord Henry. — воскликнул лорд Генри. Pushing his hat back on his head, he looked at the clouds floating in the turquoise depths of the summer sky and looking like disheveled skeins of shiny silk. Сдвинув шляпу на затылок, он смотрел на облачка, проплывавшие в бирюзовой глубине летнего неба и похожие на растрепанные мотки блестящего шелка. “Yes, yes, outrageously unfair!” — Да, да, возмутительно несправедлив! I am far from treating people equally. Я далеко не одинаково отношусь к людям. I choose beautiful people as close friends, people with a good reputation as acquaintances, and I make only intelligent enemies. В близкие друзья выбираю себе людей красивых, в приятели — людей с хорошей репутацией, врагов завожу только умных. One should choose one’s enemies most carefully. Тщательнее всего следует выбирать врагов. There is not a single fool among my enemies. Среди моих недругов нет ни единого глупца. They are all thinking people, intelligent enough, and therefore know how to appreciate me. Все они — люди мыслящие, достаточно интеллигентные и потому умеют меня ценить. You will say that my choice is explained by vanity? Ты скажешь, что мой выбор объясняется тщеславием? Well, perhaps that is true. Что ж, пожалуй, это верно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.